Князь Н. П. Мещерскій.

ПАМЯТИ

ГРАФА

Михаила Николаевича Муравьева.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ ЖУРНАЛА „РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ. Марьина роща, соб. д.

1898.

Дозволено цензурою. Москва, 24 октября 1898 г.

ПАМЯТИ

Графа Михаила Николаевича Муравьева.

Ошибкой преступною вызван мертвец
Изъ старой глубокой могилы.
Мы дали ему позлащенный вѣнецъ,
Вдохнули въ него свои силы...

И вотъ, ожививъ его, злаго врага,
Сказали ему: «Позабудемъ!..
Россіи теперь твоя жизнь дорога,—
Друзьями съ тобою мы будемъ».

Но съ жизнью воскресла и память, а съ ней—
И злоба, и месть вѣковыя.
«Топтали копыта отцовскихъ коней
Кремлевскія стогна святыя!

Подъ клювомъ, подъ когтемъ могучимъ Орла,
Въ крови, вы томились страданьемъ:
И Вильна, и Кіевъ, и злая Москва—
Все было моимъ достояньемъ!

Не дружба, не миръ, а безжалостный бой—
Отвѣтъ на безумныя рѣчи!..»
Онъ молвилъ исполненный ярости злой
И жаждалъ кровавой онъ встрѣчи.

И кровь полилася. *Витіи* шумятъ:
«Воскресла, воскресла! Осанна!»
Въ смущеньѣ глубокомъ молчитъ Петроградъ
Предъ этой бѣдою нежданной.

Европа ликуетъ. Побѣда близка,
Побѣда близка—наважденья!
Но странная эта ведется борьба—
Съ Россіей живой—привидѣнья!..

И видя волненье туманной Невы
Европа грозится войною.
Печатные громы продажной молвы
Рокочутъ надъ нашей главою.

Но грянулъ иной и спасительный громъ...
Такъ Минина гласъ вдохновенный,
Такъ благовѣстъ будитъ священный
Объятыхъ болѣзненнымъ сномъ...

Изъ сердца Москвы оно слышалось намъ,
То властное, вѣщее слово...
Мы лжи съ себя сверглн оковы
И бросили вызовъ врагамъ...

Высоко Царь держитъ могучей рукой
Стягъ Русскій, и грозный, и славный!
И въ мысли единой, единой душой,
Слился весь народъ православный.

Но кто успокоитъ и край, и умы,
Европѣ на зло кто докажетъ
Что въ домѣ своемъ лишь хозяева—*мы*,
Обманамъ предѣлъ кто укажетъ?

Кто Гордіевъ узелъ, умомъ и мечомъ,
Крамолы распутаетъ смѣло,
Готовый погибнуть на мѣстѣ своемъ,
Лишь крѣпнетъ тамъ русское дѣло?..

Не мало Россіи достойныхъ сыновъ,
Но въ это, мы помнимъ, мгновенье
Послышалось имя *одно*... *МУРАВЬЕВЪ!*
И... сгинуло въ мигъ наважденье!

Да будетъ мнѣ дозволено сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу моихъ личныхъ воспоминаній о графѣ М. Н. Муравьевѣ.

Я имѣлъ честь и радость видѣть его и съ глазъ-на-глазъ, но къ сожалѣнію только одинъ разъ въ жизни, и благоговѣйно храню память объ этой встрѣчѣ. То было вскорѣ послѣ перваго покушенія на жизнь императора Александра Николаевича — покушенія Каракозова. Современники помнятъ могучій подъемъ народнаго духа проявившійся тогда. Негодованіе было безграничное, безгранична была радость по случаю спасенія царя и благодарность къ спасшему его Комисарову. Россія громко требовала разоблаченія всѣхъ нитей предполагавшагося заговора, требовала мѣръ рѣшительныхъ, наказанія строгаго. Опять, какъ при недавно усмиренномъ возстаніи, общій голосъ указывалъ на Михаила Николаевича столь быстро и успѣшно покончившаго съ мятежомъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Государь поручилъ это дѣло ему. Положеніе было тревожное. Предполагали что существуетъ обширный заговоръ. Можно было, конечно, ожидать покушенія и на жизнь графа Муравьева.

Горячо сочувствуя графу столь самоотверженно и безстрашно посвятившему остатокъ силъ, уже надломленныхъ непосильными трудами, этому новому тяжкому труду, я въ порывѣ увлеченія молодости (хоть и не ранней) всецѣло отдался мысли такъ или иначе посвятить себя его охранѣ. Мою мысль одобрили и нѣкоторыя лица въ кругу моихъ близкихъ знакомыхъ выразившія полную готовность содѣйствовать мнѣ. Между прочимъ, мой дядя Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ охотно вызвался устроить мнѣ представленіе графу чрезъ посредство Аркадія Осиповича Россета (старшаго друга нашей семьи) и генерала Зеленаго.

Въ назначенный день я явился къ графу жившему, помнится, на Сергіевской. Не безъ волненія взошелъ я по лѣстницѣ. Въ эту минуту мнѣ ясно представилась странность, необычайность моего поступка. Представилась мнѣ неудобоисполнимость мною задуманнаго. Графа Михаила Николаевича я не зналъ вовсе; онъ обо мнѣ до того времени не имѣлъ понятія! Между тѣмъ онъ въ эту минуту казался чуть ли не всемогущимъ. Онъ былъ заваленъ дѣлами. Что̀ могъ онъ обо мнѣ подумать? Незнакомый молодой человѣкъ отвлекаетъ его отъ дѣла государственнаго и подъ предлогомъ по меньшей мѣрѣ страннымъ. Но волненіе мое сразу исчезло какъ скоро я его увидѣлъ.

Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, указалъ мнѣ стулъ у письменнаго стола и съ самою доброю, сердечною улыбкой сталъ меня разспрашивать сперва о цѣли моего посѣщенія, а засимъ о знакомыхъ ему членахъ моего семейства. Я высказалъ ему съ какимъ горячимъ участіемъ русскіе люди слѣдили за каждымъ шагомъ его во время доблестнаго и многотруднаго его служенія въ Вильнѣ, съ какою радостію узнали о новомъ его назначеніи. На него возложены всѣ надежды, но вмѣстѣ съ тѣмъ намъ представляется что онъ себя вовсе не бережетъ, а вѣдь съ его безопасностію связанъ весь успѣхъ порученнаго ему государемъ дѣла. И вотъ нѣкоторымъ лицамъ пришла мысль посвятить себя его охранѣ при непремѣнномъ условіи, конечно, устраненія всякой офиціальности, всякихъ *служебныхъ* отношеній. Дѣло шло о посильной охранѣ отъ опасностей, въ какомъ бы видѣ онѣ ни проявились. Пока я говорилъ только отъ себя, но моему примѣру готовы послѣдовать и другіе мнѣ близкіе.

Онъ отнесся ко мнѣ не только внимательно, но отечески. Выслушавъ меня и поблагодаривъ сердечно, графъ въ нѣсколькихъ словахъ просто и твердо высказалъ почему онъ не можетъ принять моего предложенія: опасность со стороны кажется серіознѣе чѣмъ она въ дѣйствительности; былъ онъ на войнѣ и въ обстоятельствахъ несравненно болѣе грозныхъ, а Богъ миловалъ. Опасность насъ окружаетъ и при самой мирной обстановкѣ. Онъ служитъ царю и матушкѣ Россіи по крайнему разумѣнію и по долгу совѣсти и надѣется и теперь на милость Божію. Онъ старъ, ему и такъ не много времени прожить на свѣтѣ, а у меня свое дѣло и семья и вся жизнь впереди.

Глубоко тронутый его пріемомъ я однако поспѣшилъ удалиться. Съ этой минуты дальнѣйшее мое присутствіе могло быть со-

вершенно иначе истолковано человѣкомъ облеченнымъ такою властію. При прощаніи онъ обнялъ меня и еще разъ благодарилъ. Я возвратился въ Москву. Кромѣ самыхъ близкихъ я донынѣ никому не говорилъ объ этомъ свиданіи.

Нѣсколько времени спустя я узналъ что цѣль къ которой я стремился отчасти достигалась, хоть инымъ способомъ. При графѣ былъ семейный ангелъ-хранитель—графиня. Узнавъ отъ генерала Зеленаго о моемъ заявленіи и пораженная его необычайностію она слѣдила за мною, находясь въ сосѣдней комнатѣ. Нѣсколько времени спустя мнѣ былъ доставленъ литографированный портретъ графа съ приложеніемъ нѣсколькихъ добрыхъ словъ. То было выраженіе ея трогательной благодарности. Съ графиней я не былъ знакомъ, а графа я уже не имѣлъ счастія видѣть съ тѣхъ поръ.

Во мнѣ, современникѣ той эпохи смутъ, волненій и расшатанности, живо сохранились впечатлѣнія того времени.

Мы такъ незлопамятны что теперь многіе склонны видѣть въ повстанцахъ 1863 года чуть ли не невинныхъ жертвъ жестокой съ нашей стороны расправы. Мы благодушны и великодушны. Иной до гробовой доски не въ состояніи простить ничтожной личной обиды, но относительно русской крови измѣннически пролитой онъ весьма щедръ. У насъ все забывается. Но это не въ порядкѣ вещей. Пора намъ твердо знать русскую исторію и не по однимъ только иностраннымъ или враждебнымъ Россіи (увы, такіе есть и русскіе!) источникамъ. Эти событія кромѣ того—урокъ для будущаго, дабы мы не впадали вновь въ подобныя кровавыя ошибки...

Мятежъ 1863 года не ограничивался уличными безпорядками, какъ это теперь представляется, кажется, нѣкоторымъ. Это было возстаніе вооруженною рукой, не отступавшее ни предъ какими средствами для достиженія цѣли. Оно началось благодаря нашимъ ошибкамъ, подъ прикрытіемъ молитвъ и религіозныхъ процессій, и продолжалось съ помощью предательскихъ убійствъ рукою разныхъ жандармовъ-вѣшателей и кинжальщиковъ. Всюду распространялся терроръ. Наконецъ, какъ при Екатеринѣ, перерѣзали нашихъ солдатъ во время сна. Началась открытая борьба. Образовались шайки, банды нападавшія на насъ. Убивали, жгли, грабили, а въ Сѣверо-Западномъ краѣ звѣрски замучивали православныхъ священниковъ.

То была измѣна, такъ какъ шли до лясу, въ банды, офицеры и чиновники русской службы, вообще люди присягнувшіе государю. То было предательство, потому что они откры-

то взывали къ помощи Франціи и Англіи и со дня на день ожидали ихъ военнаго вмѣшательства. Возстаніе въ случаѣ успѣха разчитывало на отторженіе не только царства польскаго, но и вообще Западнаго края, т. е. земли искони русской.

Расправа за такія преступленія вездѣ одна и та же — въ странахъ республиканскихъ какъ и въ монархическихъ. Гуманный и либеральный Тьеръ подавившій побѣжденную коммуну мѣрами о которыхъ слѣдуетъ вопросить Саторійскія поля (les plaines de Satory) и за-океанскія мѣста ссылки и каторги и поднесь слыветъ гуманнымъ и либеральнымъ Тьеромъ...

Страннымъ образомъ вырабатывается въ извѣстныхъ сферахъ Петербурга оцѣнка людей засимъ служащая часто камертономъ для многихъ. Человѣкъ вѣрою и правдою служилъ царю, даже тремъ царямъ, лѣтъ 50. Постоянно цѣнились его умъ, энергія, основанное на многолѣтней опытности знаніе дѣлъ. Дошелъ онъ до высшихъ должностей, министерской включительно. Требовались его совѣты и отзывы по самымъ важнымъ государственнымъ дѣламъ. И вдругъ, когда онъ уже достигъ старости, явно съ чужаго голоса, вторя враждебной Россіи европейской печати, провозглашаютъ его не великимъ государственнымъ человѣкомъ, а чуть ли не Нерономъ, Калигулой!!

Какова же была въ дѣйствительности его дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ?

Самоотверженно принялъ онъ эту тяжелую задачу въ старости, когда человѣкъ столько потрудившійся имѣетъ полное право на покой. Принялъ онъ ее *зная* что въ глазахъ государя враги уже успѣли ему повредить; *зная* что интрига могущественна, что $^{9}/_{10}$ офиціальнаго Петербурга, съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и съ начальникомъ цензуры во главѣ, противъ него, что всѣ они ждутъ-не-дождутся что вотъ - вотъ какой-нибудь промахъ, какой-нибудь шагъ который законолюбивому Петербургу такъ легко представить беззаконіемъ выдастъ имъ доблестнаго труженика головою. И несмотря на эту по-истинѣ ужасающую обстановку Михаилъ Николаевичъ въ 2—3 мѣсяца покончилъ съ мятежомъ въ этомъ краѣ. Собственно усмиреніе мятежа онъ даже и не ставилъ себѣ въ особенную заслугу, открыто говоря что борьба серіозная была не съ возстаніемъ, а съ Петербургомъ. Силы бунтарей въ Сѣверо-Западномъ краѣ были на дѣлѣ пока довольно ничтожны. Графъ Муравьевъ захватилъ мятежъ именно во-время и не далъ ему разрастись. Главною же своею задачей онъ счи-

талъ возстановленіе тамъ русскаго дѣла на твердыхъ и исторических основахъ. Да, главная борьба была съ Петербургомъ: я своими глазами видѣлъ образцики этой неутомимой интриги, какъ, напримѣръ, петербургскія дамы большаго свѣта вмѣшивались въ распоряженія виленскаго генералъ-губернатора устраняя отъ виновныхъ вполнѣ заслуженную ими кару; какъ разные крупные сановники безъ зазрѣнія совѣсти клеветали на него и старались всячески ему вредить и перечить. А между тѣмъ мятежъ усмиренъ имъ съ несравненно меньшими жертвами съ обѣихъ сторонъ чѣмъ въ царствѣ польскомъ гдѣ благодаря постоянной перемѣнѣ системъ управленія — то строгой, то слабой, то польской, то русской, то нѣмецкой— дѣло тянулось годами и хаосъ доходилъ до... дуэлей высшихъ сановниковъ...

Чѣмъ же объяснить, наконецъ, безсмысленную легенду о свирѣпости начальника края? Происхожденіе ея понять не трудно.

Собственно царство польское, разумѣется, признавалось мятежниками и имъ сочувствующею Европой полною ихъ собственностію. Но, конечно, Поляки провозглашающіе что Польша безъ Вильны и Кіева немыслима этимъ не могли довольствоваться. Они даже особенно дорожили успѣхами въ Литвѣ, на родинѣ Костюшки, такъ какъ это увеличивало намного значеніе возстанія. Разчитывали и на разношерстность населенія. Литва, Жмудь не могли, казалось, имѣть ясныхъ понятій о принадлежности Россіи. Иное дѣло—Юго-Западный край. Тамъ самъ православный народъ съ перваго же шага и безъ дальнѣйшихъ разсужденій переловилъ, связалъ повстанцевъ и сдалъ ихъ по начальству. Наконецъ, въ случаѣ побѣды, какъ имъ мерещилось, можно было торговаться, запросить побольше, а потомъ сговориться полюбовно: взять, напримѣръ, Вильну и великодушно оставить за нами Динабургъ (Двинскъ)! И вотъ *витіи*, по выраженію Пушкина („Клеветникамъ Россіи“), особенно витіи печатнаго слова протрубили на всю Европу что вся Литва возстала, что банды быстро превращаются въ полки и корпуса, что Вильна со дня на день будетъ завоевана, что повстаніе охватило Бѣлоруссію,—идутъ на Смоленскъ! Еще немного времени—и заговорили бы о штурмѣ Динабурга, о походѣ на Петербургъ! Я дожилъ до старости, но никогда не случалось мнѣ встрѣчать въ европейской печати такихъ чудовищныхъ измышленій какъ въ пору послѣдняго возстанія. Et c’est beaucoup dire!

Легко себѣ представить до чего могъ договориться тѣсный союзъ необузданнаго польскаго воображенія съ европейскою печатью, продажною и явно подстрекаемою правительствами Франціи и Англіи [1])!

Но назначается М. Н. Муравьевъ; проходятъ, помнится, два-три мѣсяца, и—о чудо!—повстаніе въ Сѣверо-Западномъ краѣ разлетается какъ мыльный пузырь, кровавый пуфъ оказывается дѣйствительно—пуфомъ! Ударъ жестокій! Какъ же объяснить Европѣ такое быстрое превращеніе? Представлялись два пути: или сознаться чистосердечно что все дѣло было раздуто до невѣроятности, что пуфъ былъ въ самомъ дѣлѣ пуфомъ, или же свалить лишній разъ грѣхъ съ больной головы на здоровую,—прибавить новую клевету къ прежнимъ. Выборъ не подлежалъ сомнѣнію. Да, повстаніе усмирено въ нѣсколько мѣсяцевъ, но *какъ* усмирено?! Оно потоплено въ океанѣ крови! Да, сила взяла, но въ Сибири уже не осталось достаточно мѣста для новыхъ ссыльныхъ! Бились тысячи и тысячи героевъ, но вѣдь они шли сражаться съ воинами, а не со звѣрями и демонами! *Такой* терроръ, *такія* звѣрства сломятъ всякое сопротивленіе *человѣческое!* Еще бы!.. И легенда создана! Вѣдь слѣпая эта вражда оклеветала не одного доблестнаго графа Муравьева,—она не оставила камня на камнѣ во всей нашей исторіи.

Но кромѣ свидѣтельства здраваго смысла и исторической правды, есть еще одно—громкое и торжественное, хоть и загробное. Это свидѣтельство Царя-Освободителя, императора Александра II. Мятежъ усмиренъ. Выражена графу благодарность отечества. Вскорѣ послѣ того Россія потрясена ужасною вѣстію о небываломъ преступленіи—покушеніи Каракозова. *Кому* же поручено благодушнымъ царемъ веденіе всего этого дѣла? Графу Михаилу Николаевичу!.. Возможно ли допустить чтобы государь Александръ Николаевичъ довѣрилъ его человѣку котораго *считалъ* бы жестокимъ, пристрастнымъ, злобнымъ?.. И *какое* дѣло!.. Не простой политическій заговоръ, а дѣло съ которымъ *неразрывно* и *вѣковѣчно* связано имя не только царя, но и человѣка,—дѣло его, личное!.. Что̀ ска-

---

[1])
И цѣлый міръ какъ опьяненный ложью,
Всѣ виды зла, всѣ ухищренья зла!..
Нѣтъ, никогда такъ дерзко правду Божью
Людская кривда къ бою не звала!..
(Стихотв. Тютчева, стр. 254, изд. 1886).

залъ бы весь міръ!.. болѣе того—что̀ сказала бы совѣсть Царя-Освободителя!

Не оправданіе дѣятельности графа Муравьева я намѣревался писать: его славная память въ защитѣ не нуждается. Я изложилъ впечатлѣнія видѣннаго и слышаннаго мною въ то время. Безсмертная заслуга великаго борца за русское дѣло не столько въ усмиреніи мятежа,—хотя и въ этомъ заслуга не малая, особенно въ эпоху окружавшей его расшатанности и дряблости, — сколько въ возсозданіи въ искони-русскомъ этомъ краѣ на твердыхъ и мудрыхъ основахъ русскаго дѣла заглохшаго благодаря многимъ ошибкамъ и несчастнымъ обстоятельствамъ. Съ глубокимъ знаніемъ условій края съ которыми онъ уже знакомился до и послѣ возстанія 1830 года, въ бытность тамъ губернаторомъ, благодаря уму государственному и вообще рѣдкимъ дарованіямъ, онъ въ короткое время своего главнаго управленія успѣлъ положить въ основу возрожденія и благоустройства этихъ губерній какъ края русскаго столь мудрыя и цѣлесообразныя мѣры что онѣ послужили и служатъ лучшими путеводными указаніями его преемникамъ. Если не все достигло цѣли, то вина этого главнымъ образомъ—безсмысленныя распоряженія разныхъ Потаповыхъ недоброй памяти.

Окончу прекрасными стихами на смерть графа Михаила Николаевича,—стихами вѣрнаго и стариннаго друга нашей Карамзинской семьи, столь добраго, умнаго и благороднаго Ѳ. И. Тютчева:

На гробовой его покровъ
Мы вмѣсто всѣхъ вѣнковъ кладемъ слова простыя:
Не много было бъ у него враговъ
Когда бы не твои, Россія!

Князь Николай Мещерскій.

Москва,
октябрь, 1898.